

18+

НОВЫЙ ПЕРЕВОД

Э.Т.А. Гофман

ЗОЛОТОЙ
ГОРШОК

перевод
Алексея Козлова

сказка

Эрнст Теодор Амадей Гофман

Золотой Горшок. Сказка

«Издательские решения»

Гофман Э.

Золотой Горшок. Сказка / Э. Гофман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552584-0

Новый перевод Алексея Козлова сказки кумира европейского романтизма 19 века Эрнста Теодора Амадея Гофмана «Золотой Горшок». Судьба идеализма в филистёрской, мещанской атмосфере старой плутократической Германии, борьба высокой поэтической мечты и грубой действительности — главные мотивы знаменитого сочинения.

ISBN 978-5-00-552584-0

© Гофман Э.
© Издательские решения

Содержание

ВИГИЛИЯ ПЕРВАЯ	6
ВИГИЛИЯ ВТОРАЯ	11
ВИГИЛИЯ ТРЕТЬЯ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Золотой Горшок

Сказка

Э.Т.А. Гофман

Алексей Борисович Козлов *Дизайнер обложки*

Алексей Борисович Козлов *Переводчик*

© Э.Т.А. Гофман, 2021

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2021

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2021

ISBN 978-5-0055-2584-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВИГИЛИЯ ПЕРВАЯ

Злоключения юного студюозуса Ансельма... – Целебный табак конректора Паульмана и золотисто-зеленоватые выющиеся змейки.

В самый день Вознесения, около трех часов пополудни, в большие Чёрные Ворота, что легко обнаружить в одном бедном пригороде Дрездена, стремительно проскочил молодой человек, и как назло сразу же угодил ногой в большую вместительную корзину с яблоками и пирожками, которыми торговала подле ворот старая, безобразная карга, – и надо признать, попал столь удачно и так метко, что половина содержимого корзины была тут же раздавлена всмятку, а всё остальное, то, что благополучно избегло печальной участи быть превращённым в кисель, разлетелось во все стороны. Буйная уличная детвора, в основном мальчишки, радостно накинулась на добычу, которую так удачно подкинул им ловкий юнец, и стала запихивать добычу в карманы! Товарки тут же сбежались ни истошные крики вдовы, бросив на время свои торговые палатки, за которыми они веками торговали пирожками с капустой и скверной водкой, угрюмо столпились вокруг молодого человека и стали поливать его руганью и проклятиями в столь грязной, циничной и неистойвой форме, что он, ооченев и заалев от неожиданности и стыда, не смог удумать ничего лучше, чем вынуть свой крошечный и не столь уж пузатый кошелёчек, который старуха тут же жадно выхватила из его рук и шустро спрятала за пазухой. Тут как по команде разъехался тесный кружок торговок, но едва юноша из него выскользнул, как старуха заверещала ему вослед:

– Беги, беги, чертово семя! Чтоб тебе повывлазило, разнеси тебя чёртыка! Ёжь, морж, чтоб тебя разнесло, разнесло, попадешь под стекло, под стекло! Под стекло, под стекло попадешь!»

В резком, пронзительном, птичьем визге этой бабы таилось что-то непредставимо страшное, такое жуткое, что гуляющие по бульвару модники внезапно в испуге затормозили, а потом и вовсе замерли, и раздававшийся было сначала кругом смех почему-то вдруг разом оборвался. Студюозус Ансельм (именно так звали молодого человека), хотя ничуть не разобрал смысл жутких воплей старухи, но ощутил внезапный приступ ужаса, так некстати нахлынувший на него, и потому ещё сильнее ускорил шаг, пытаясь защититься от устремлённых на него взоров любопытствующей своры. Скоро, смешавшись с гуляющими и продираясь сквозь толпу празднично одетых горожан, он слышал повсюду одно и то же, разносимое эхом и разноголосьем:

«Ах, бедный юноша! Ах, эта распроклятая ведьма! Что делает карга!»

Непонятым образом странные слова карги придали по видимости весёлому приключению некий трагический оттенок, так что теперь все с сочувствием смотрели на человека, прежде совершенно незаметного. При виде юноши высокого роста и его благообразного лица, красота которого только усилилась гримасой гнева на нём, особи женского пола теперь охотно извиняли его неловкость, так же как его наряд, стоявший далеко вне всякой моды – зеленосерый с щучьими грязными пятнами старый фрак, скроенный и пошитый так, словно портной решил объявить войну современной моде, и блестящие чёрные, неплохо сохранившиеся брюки, которые придавали студюозусу такой гордый, магистерский прикид, каким уж никак не могли не могли похвастаться его походка и осанка!

Когда студент оказался в конце аллеи, ведущей к Линковым купальням, его грудь ходила ходуном. Он вынужден был замедлить шаг. Теперь он не поднимал глаз от земли, ему всё время мерещились яблоки и пирожки, капуста и яблоки, гонящиеся за ним и порхающие поодаль в каком-то нелепом танце, и любой поощрительный взгляд любой юной красотки был для него всего лишь эхом злобного хохота карги из Чёрных Ворот.

В таком виде и дошагал он до входа в Линковы купальни, и вместе с ним толпа проскошно разодетых людей непрерывным потоком втекла туда же.

Громкая грубая музыка неслась изнутри, все громче и громче становился доносящийся шум, всё громче кричали и веселились гости, всё громче был шум праздника. Бедный студиязус Ансельм едва слезу не пустил, потому что и ему очень хотелось в день Вознесения, который был для него совсем не пустым местом, а чудесным, неповторимым праздником, – и ему так хотелось в очередной раз погрузиться в блаженства линковского эдема, что спорить, он хотел даже поднять планку до порции кофе с ромом, да-с, не менее того, или до бутылки двойного пивка и, чтобы насладиться по-настоящему, запастись деньгами даже сверх меры.

И вот благодаря злополучной корзине яблок он лишился всего, что было в его карманах. Теперь о сладком кофе, двойной порции пива, танцах и музыке, о празднично облачённых девушках, в общем, обо всех мыслимых и немыслимых мирских удовольствиях следовало крепко-накрепко забыть. Молодой человек медленно отрешённо прошёл мимо людской толпы и вступил на совершенно заброшенную, совершенно безлюдную дорогу, ведущую вдоль Эльбы. Он набрёл на приятное местечко на траве под старой бузиной, торчавшей из разрушенной стены, и, с удобством расположившись под ней, стал набивать свою трубочку ароматным табаком. Табак сегодня подарил ему его друг, конректор Паульман. У самых ног студиязуса шелестели и играли искристо позлащённые волны чудесной Эльбы, а прямо за ней дерзко вздымал древний, славный Дрезден белые шеи своих стройных башен, устремляя их к хрустальному своду, опёршимся на златные луга и освежённые ливнем зеленеющие рощи окраин, а за ними, в клубящемся сумраке, вставали горы, как зубья дракона, едва обрисовывая контуры далекой Богемии. Но, казалось, студент Ансельм никак не реагировал на эти несусветные красоты, он мрачно взирал поверх мира, испуская перед собой облака вонючего дыма, хмураясь всё больше, пока наконец его раздражение не выплеснулось в таких громких словах: «А ведь это не слова, что я появился на свет только для горестей и бед! Что уж говорить о том, что мне никогда не удавалось угодить в бобовые короли, и что в чёт и нечет мне никогда ничего не угадать, вот уж незадача – моим бутербродам всегда падать вниз маслом, а никак иначе! – все мои зловключения не стоят и пары фраз, но, видит бог, какая страшная судьба, что мне, кому жуткими усилиями удалось стать наконец студентом назло всем проищим дьявола, приходится оставаться чучелом огородным, надо же! Был ли хоть один случай, когда я нацеплял новый сюртук, и тут не ставил на нём большое, жирное пятно или тут же не рвал его о какой-нибудь треклятый, не к месту вбитый гвоздь? Случилось ли мне хоть раз поклониться прекрасной даме или какому-нибудь чересчур надутому надворному советнику без того, чтобы шляпа не укатилась к чёрту на кулички или сам я не полетел на разъехавшихся ногах в кусты? Не минула ли меня участь каждым базарным днём в Галле раскошелиться на рынке и терять от трёх до четырёх грошей за все разбитые крынки и горшки, на которые сам чёрт несёт меня. Словно я не разумный человек, а серая полевая мышь! Довелось ли мне хоть раз не опоздать на занятия в университет, да и вообще куда угодно? Глупая затея – приходиться на занятия минимум за полчаса до них, уже заранее известно, что только я расположусь под дверью и протяну руку за звонком, как какой-нибудь чертяка плеснёт мне с высоты содержимым умывального таза, или навстречу из дверей вывалится какой-нибудь наглый увальень, которого я неминуемо толкну, в результате чего не только опоздаю неминуемо на занятия, но и влипну в целую кучу серьёзных неприятностей! Бог ты мой! Куда делись блаженные грёзы о неминуемом счастье будущих времён, гордые мечты допрыгнуть до сливочного звания коллежского секретаря! Боже мой! Моя злополучная планида отвратила от меня всех моих самых верных покровителей! А я ведь знал, что господина тайного советника, к которому меня направили с рекомендацией, просто воротит от коротко стриженных волос, парихмахер, хоть и изголяется, чтобы получше прикрепить к моему черепу подобающую косичку, но чем всегда это кончается, я знаю заранее – как только я начинаю кланяться, верёвочка, которой

вязали косицу, сразу лопаются, косица летит на землю, хлоп-с, и мопс, занятый обнюхиванием моих штанов, тотчас переключается на новый предмет и радостно тащит советнику подлую косичку, я истошно устремляюсь за ним следом, само собой разумеется, спотыкаюсь по пути, и с грохотом падаю на рабочий стол чиновника, где он с аппетитом завтракает, чавкая, бац, чашки, тарелки, чернильницы, перья летают всюду, как птицы, чики-чики-пук, чашки бьются с чарующим звоном, чернильница щедро изливает содержимое своего брюха на важные государственные доносы, и на всё это с шелестом просыпается песок из песочницы. Картина!

– Сударь, Вы что, ненароком взбесились! – визжит разъярённый, как дикий вепрь, тайный советник и пинком выбрасывает меня за дверь. Что толку, что конректор Паульман клялся даровать мне место писца? Что толку? Моя горестная звезда наверняка в очередной раз подкараулит меня, и прихлопнет мои планы! Кажется, что звёзды просто преследуют меня! И на кой им это сдалось? Сегодня – та же история! Что у меня за судьбина которая всюду меня преследует и треплет по загривку! Ничего хорошего из того, о чём я мечтаю, моё злосчастье не допустит! Ну, вот хоть сегодня. Только я вознамерился отпраздновать как нужно светлый день – день Вознесения, встретить его, как должно, с ликующим сердцем и возвышенной душой, как – на тебе приключеньице на дурную голову! А ведь мог бы я, как и всякий другой

посетитель Линковых купален, покрикивать горделиво-громогласно: «Эй, Человек, бутылку двойного пивка сюда, да живей, пжалста!» А ведь я мог бы торчать там до глубокой ночи, и не где-нибудь, а в центре какой-нибудь цветочной компании разряженных, как дорогие импортные куклы, прекрасных и чистых девушек. Было бы отчего нафабриться, распутшиться и пройти перед ними эдаким горделивеньким гогольком! Нечего говорить, уж я бы расхрабрился бы не на шутку, стал бы просто совсем другим человеком, я бы так блистал и расстился перед ними, что наверняка одна из них не выдержала бы такого напора и такой дерзости, сдалась бы от такой красоты и робко спросила бы: «Вы случайно не в курсе, который ныне час?» или «Скажите, что за вещь исполняют эти музыканты?», и услышав её вопрос, легко и воздушно я бы вспорхнул с места, не споткнувшись в своём обычном стиле и, подобострастно изогнувшись, как это принято, поклонился бы этой юной девушке и в поклоне так и шаркнул бы ножкой, что любо-дорого смотреть, а потом сделал бы два маленьких шажка вперёд, раз-два-с, пока наконец с придыханием томным не сказал бы ей нежно и ласково:

– Да будет вам известно, mademoiselle, что сейчас исполняется увертюра из «Девы Дуная», или: «Сейчас пробьёт около шести часов!» И кто бы осмелился тогда бросить на меня брезгливый взгляд и как-то криво перелицевал бы мои слова? Нет, и ещё раз нет! Милые девушки с ласковыми улыбками обратили бы ко мне свои благостные ласковые взоры и стали потом переглядываться между собой, лукаво улыбаясь, как это обычно случается тогда, когда мне втемяшится в голову наконец показать кому-нибудь, что я тоже не лыком шит, и кой чего, между прочим, смыслю в светском обращении, и с дамами обращаться умею вполне прилично.

И вот какого чёрта понесла меня нелёгкая на эту дурацкую корзину с гнилыми яблоками? Видать для того, чтобы в этом одиноком заточении раскуривать теперь свой полезительный...

Как ни странно, на этом месте отчаянный монолог студюзуса Ансельма

был прерван назойливым шелестением и шебуршением, что затеялось совсем поодаль от него в густой траве, а потом переместилось на ветки и в листву зарослей бузины, шумевшей над его головой. Ему то чудилось, что это вечерний ветерок шумит в листве листьями, то что в ветвях туда-сюда снуют крошечные пташки, то и дело цепляя листки крылышками.

Негаданно пополз какой-то шепоток и лепеток, и цветочки как будто стали кивать головками и вроде бы зазвенели, как хрустальные колокольчики. Ансельм, не понимая вполне, что с ним происходит, поневоле внимал и прислушивался. И наконец – он сам не понял, как этот шелест, и шёпоток, и звон, и чёрт его знает что ещё как-то незаметно превратилось в тишайшие, почти не различимые для уха слова:

«Здесь и там, между ветвей, по цветам и вдоль корней, ночью тёмною мы вьёмся, вьёмся, вьёмся, расстаёмся, вновь сплетаемся, кружим, мир велик и мы над ним. Здесь качаемся, качаемся, расстаёмся и встречаемся. Сестры милые, сестрицы! Полетели вдоль границы лунный свет ловить в криницы! Но в сиянии виясь, не попасть бы боком в грязь! Всё быстрее и быстрее понесёмся вдоль полей, Солнце позднего лучи пусть стреляют в нас с кручи, пусть вечерний ветерок овеивает влажный дрок, всё пройдёт, чрез два часа ляжет хладная роса, и меж нами там и тут все цветочки оживут, из тычинок лепестков скоро будет дом готов, дом надежды и мечты, оплетут его цветы и лучи проложат мост до далёких синих звёзд, а когда заблещет луч, время скрыться нам средь туч, затаиться средь корней! Ну, сестрички, в путь! Скорей!»

И не прекращаясь ни на миг, текла сладкая, дремотная, пьянящая о очаровывающая речь. Студиозус Ансельм подумал: «Уверен, это не может быть ничем иным, кроме вечернего бриза, но бриз какой-то странный, он сегодня почему-то изъясняется на человеческом языке! Нет, постоянное общение с людьми явно не идёт на пользу психическому состоянию Природы!»

Но в этот самый миг разразилась над его головой как будто разнобойная вакханалия голосков разных хрустальных колокольчиков. Он воззрился наверх и удивился, увидев трёх сверкающих зеленоватым золотом маленьких змеек, которые скользили вокруг ветвей, вытягивая свои аккуратные головки в сторону уходящего светила. И снова слышался тот же шёпот, тот же лепет, и те же слова, какие он только что слышал, а в это время змейки мелькали и скользили вверх и вниз по веткам, то выныривая, то целиком скрываясь среди густой листвы, и тогда вместо мелькающих золотых змеек, казалось, сам куст зажигается тысячами мелких огоньков, рассыпает фейерверк изумрудных искр, и тем оживляет отсветами тёмную, плотную поверхность листвы.

«Это просто игра лучей заходящего Солнца в листве!», – заключил по этому поводу чрезмерно приземлённый студиозус Ансельм, и уже хотел успокоиться этим открытием, как снова услышал звон мерзких колокольчиков. Тут Ансельм увидел, что одна из змеек вытянула свою маленькую головку к нему, и мгновенно оказалась совсем рядом. Ансельм взмок. Как будто электрическим током пронзило насквозь все его члены, душа его затрепетала, что-то необычное коснулось его души, и в глубине души он даже как будто бы был готов испугаться, но он только вперил взоры вверх и уставился неподвижно в два чудесных серо-голубых глаза, которые, не моргая и не отрываясь, смотрели в его глаза с каким-то неопишным вождением. И тут неведомая до того юноше гамма чувств – смесь величайшего блаженства и как ни странно высочайшей скорби, переполнила его грудь, грозя, как будто бы даже разорвать её.

И тут, когда он, переполненный жадным вождением, всё заглядывал в эти близкие и такие чудесные глаза, хрустальные колокольчики просто грянули водопадом грациозных аккордов, и вслед блистающие изумруды пролились на него, овеивая сияющими золотыми нитями, и тысячи огоньков заиграли, запорхали, заблестали вокруг него. Тут Куст стал подрагивать, зашевелился и сказал: «Ты нежился в тени моей, тебя овеивал мой аромат, но ты не понимаешь меня. Аромат – это моя речь тогда, когда любовь воспламеняет мой дух!». Вечерний бриз провеял мимо и шепнул: «Я реял около головы твоей, но, кажется, ты не внимал мне; дыхание – вот моя речь тогда, когда любовь зажигает меня! Солнечные лучи били в разрывы облаков, и сияние их будто слагалось в слова: «Я покрываю тебя сусальным золотом, но ты не внемлешь мне! Солнечный жар – это моя речь, когда любовь меня зажигает!»

Ансельм всё больше и больше тонул во взоре дивных глаз, всё сильнее полыхало в нём вождение, всё определённое становилось желанием.

И вот раскрылось, запульсировала и задвигалось всё, как будто проснувшееся к новой счастливой жизни. Везде, внизу и вверху, справа и слева цвели цветы, и их аромат был словно волшебное звучание тысяч флейт, и золотистые предвечерние облака, следуя мимо, несли отзвуки этого чистого пения в дальние страны. Но едва последние лучи Солнца погасли за хребтами гор и сумерки простёрли по земле свой мрачный полог, откуда-то издалёка раз-

дался грубый громкий бас: «Эй вы, эй, там, что это за перемолвки, чей это там шёпоток? Эй вы, эй, там, кто рыщет Солнечных лучей за горами? Довольно вам греться, хватит распеваться! Эй вы, эй, там, летите сквозь кущи и доли, мните траву, вниз по рекам спускайтесь!»

Эй, вы эй, там, до-мо-о-о-й, летим до-мо-о-о-й!»

Вдруг громовой глас стих и растворилс, в отзвуках дальнего грома, и хрустальные колокольчики расстроили свою капеллу и оборвались фальшивым диссонансом. Все смолкло, и Ансельм увидел, как три вёрткие змейки, светясь и блистая, ринулись к потоку по траве, легко шурша, с тихим шелес том, соскользнули они в Эльбу, и над зеленоватыми разводами на воде, в том месте, где они исчезли, вдруг вспыхнул яркий зелёный огонёк. Он стал подниматься вверх, сделал бologую дугу, направляясь к городу, и сыпался искрами.

ВИГИЛИЯ ВТОРАЯ

Как студюозуса Ансельма приняли за пьяного и сумасшедшего. – Путешествие по Эльбе. – Забойнвя ария капельмейстера Грауна. – Желудочный ликерчик Конради и бронзовая карга с яблоками.

«А господинчик-то, стало быть, совсем не в своем уме!» – со смехом сказала почтенная горожанка, которая, возвращаясь вместе со своим выводком с гулянья, застыла в ступоре и, сложив руки на животе, и с удовольствием принялась созерцать дикие проделки студюозуса Ансельма. Крепко обняв ствол бузинного дерева и утопив лицо в его ветвях, он теперь вопил беспрестанно: «О, прошу вас, не откажите, уважьте меня, один только ещё раз еще засияйте и сверкните, и просияйте мне вы, о милые золотистые змейки, всего разок ещё дайте внят вашему чистому хрустальному голоску! Ещё только раз взгляните на меня, о прелестные голубые глазки, всего лишь еще один лишь разок, а не то я сгину от скорби и горячечного желания!»

И при словах этих он так тяжело вздыхал, так жалостливо охал, так страстно и нетерпеливо тряс ствол бузинного дерева, которое вместо любого ответа как-то совсем неразбочиво и глухо шелестело листьями, по всей видимости порядком издеваясь над неугасимым горем студюозуса Ансельма.

«А господинчик-то, видать, совсем с катушек съехал!» – повторяла раз за разом наблюдательная горожанка, в результате чего Ансельм чувствовал себя так, как будто пушечным выстрелом его пробудили от сладкого сна или окатили ведром ледяной воды. Тут он наконец пришёл в себя и осознал, где находится, где давеча был, и шустро сообразил, что его заколдовал этот странный призрак – причина того, что он впаол в детсов и стал громко разговаривать сам с собой. В великом смущении посмотрел он на горожанку и стал шарить по земле, ища шляпу и желая поскорее убежать отсюда. Между тем отец семейства стал к нему приближаться и, приблизившись, опустил своего ребёнка, который мирно гукал у него на руках, на траву, изумлённо взирал на студюозуса. Тут т он надолго замер, опершись на свою палку, потом поднял кiset с табачком и трубку, что уронил студент, и, протягивая тому, сказал:

– Не вопите вы так громко, сударик мой, не пугайте в темноте добрых горожан!

Горе ваше невеликое, вы всего лишь слишком сильно устали в свою бутылку! Идите-ка лучше поскорее домой, а там быстро бай-бай и на боковую.

Студюозуст Ансельм потупился, пристыженный, и спел фистулой: «Ах ты!».

– Ну и ну, – продолжал горожанин, – Успокойтесь! Не велико горе, такое со всеми случится может, и в прелюбезнейший праздник вознесения не грех рюмочку другую-таки пропустить. Подобные случаи случаются и с божьими людишками – даю голову на отсечени, что вы, сударик, как пить дать. кандидат богословия. Но, если позволите, я наберусь смелости набить мою трубочку вашим табачком, а то мой-то, увы, фить-фить, весь вышел.

Студюозус Ансельм уже собрался было запрятать свою трубку и кiset в карман, но прилипчивый горожанин медленно и важно принялся выбивать пепел из своей трубочки, а потом столь же вальяжно принялся набивать её чужим полезительным табачком. В это время приблизилась кучка девушек; они то и дело шептались с какой-то горожанкой и хихикали между собой, исподволь бросая взгляды на Ансельма. Ему же в свою очередь казалось, что он пляшет чуть ли не на острых углях и раскаленных иглах. Только он схватил трубку и кiset, как ринулся бежать со всех ног, будто в его бока вонзали острые шпоры. Всё волшебство, творившееся на его глазах, совершенно испарилось из его памяти, и он со стыдом помнил только то, что громко разглагольствовал под бузинным деревом, меля всякую чушь, а надо признать, вос-

поминании о таких вещах для таких людей, как Ансельм, было просто невыносимым, потому что такие люди с рождения испытывают непреодолимое отвращение к людям, болтающих сами с собою. Это было для него тем невыносимее, что он искони питал глубокое отвращение к людям, разговаривающим сами с собою.

«Их устами глаголет сатана!», – твердил ректор, и сам верил, что это так.

Сойти за напившегося на праздник кандидата богословия – эта перспектива была совершенно нестерпимой. Он уже хотел уже свернуть в тополиную аллею, что у Козельского сада, как вдруг услышал сзади себя голосок:

«Господин Ансельм, а господин Ансельм! Скажите, ради всего святого, куда это вы несётесь с такой скоростью?»

Студент затормозил и затыл, как вкопанный, вконец убеждённый, что теперь над ним непременно развернется какое-нибудь новое неопишное злосчастье. Пока эти мысли пронесли у него в голове, голос как ни странно прозвучал снова:

«Господин Ансельм, а господин Ансельм, скорее идите сюда к нам. Мы с нетерпением ждем вас у реки!»

Тут только до студизуса дошло, что его звал лучший друг, конректор Паульман. Он послушался и пошёл назад к Эльбе, где увидел конrektора рядом с двумя его юными дочерьми, вкупе с регистратором Геербрандом; они уже собирались усаживаться в лодку. Конректор Паульман тут же пригласил студизуса прокатиться с ними по Эльбе, а завершить вечер у него дома в Пирнаском предместье. Студент Ансельм с удовольствием принял это любезное приглашение, полагая этим изменением маршрута избежать злого рока, которая в этот день довлел над ним. Когда из лодка понеслась по реке, случилось так, что на другом берегу, у самой стены Антонского сада, по какому то случаю пускали фейерверк. свистя и шипя, взлетали вверх пшутихи, и разноцветные искрящиеся звезды взрывались в воздухе, разлетались тысячами потрескивающих линий и огней.

Студизус Ансельм сидел, погружившись в свои мысли, около гребца. Однако когда он увидел отражение в воде порхавших в небе искр и огней, ему вдруг снова почудилось, что это его золотые змейки выются по реке, догоняя его. Всё волшебное, что ему превиделось под бузинным деревом, вдруг ожило в его ощущениях, и им вновь овладело странное томление, готовое превратиться в пламенное желание. Его грудь содрогнулась от судорожного, почти скорбного восторга.

«Ах, только бы это были вы, мои милые золотые змейки, ах! пойте же, вейтесь! В ваших песнях скоро снова явятся мне милые прелестные лазурные глазки, – ах, не здесь ли вы уже, под этими приливами волн?» Так воскликнул студизус Ансельм и совершил при этом такое сильное, резкое движение, как будто бы хотел тотчас броситься из лодки в тёмные волны.

– Вы, сударь, в своём уме? Взбесились вы что ли? – крикнул гребец и поймал его за фалду фрака.

Сидевшие подле него девушки испустили вопли ужаса и кинулись на корму лодки. Регистратор Геербранд испуганно шепнул что-то на ухо конректору

Паульману. из тихого ответа которого студизус Ансельм понял только одно:

«Подобные припадки у него до этого момента не наблюдались».

Сразу после этого конректор деликатно подсел к студизусу Ансельму и, схватив его за руку, сказал с самым серьёзным, важным и почти начальственным тоном:

– Господин Ансельм, что с вами? Как вы себя чувствуете?

Студент Ансельм зашатался, едва не потеряв сознание, потому что в его душе происходила безумная борьба, с которую он никак не мог сладить. Он, конечно, теперь ясно понимал, что то, что он принял за трепетание золотых змеек, было всего лишь отражением фейерверка у Антонского сада. Хотя он почти пришёл в себя, какое-то неведомое, сладкое чувство – смесь

блаженства и скорби (причём было совершенно непонятно, чего в нём было больше – блаженства и ли скорби) – по-прежнему судорожно сдавливало его грудь. Едва гребец в очередной раз ударял веслом по воде, так что она, как бы в гневе закручиваясь, плескалась и шумела, ему по-прежнему слышались в этом шуме тихий шепот и нежный лепет: «Ансельм, Ансельм! Неужто ты не видишь, что мы все проплываем перед тобой? Моя сестрица видит тебя – о, верь, верь, верь в нас! Мы здесь!»

И тогда ему и в самом деле начинало казаться, что это не отражение огней, а три зелено-огненные извилистых зигзага. Но когда он снова начинал с тоскою всматриваться в мрачную, тёмную поверхность воды, вопрошая, не глянут ли оттуда прелестные синие глазки, он каждый раз горестно убеждался, что это отрадное сияние исходит всего лишь от ярких окон близлежащих домов. И потому долго сидел он безмолвно, изнемогая от внутренней борьбы. Но конректор Паульман вывел его из забытья, еще резче рявкнув:

– Итак, как вы себя чувствуете, господин Ансельм?

И в совершеннейшем упадке духа студент отвечал едва слышно:

– Ах, любезнейший господин конректор, если бы вы только знали, какие удивительные сны пригрезились мне, явились мне наяву, когда я с широко открытыми глазами, под бузиным кустом, бродил у стены Линковского сада. Вы, разумеется, могли бы извинить меня, видя, что я нахожусь, как бы в душевном
исступлении...

– Эй, эй, милый господин Ансельм! – оборвал его конректор, – зная вас, я всегда считал всегда считал вас за солидного юношу, но вот грезить, тем более грезить с открытыми глазами, потом вдруг возжелать кинуться в воду, это уж, извините меня – поведение, возможное только в среде сумасшедших и дураков!

Студент Ансельм был очень огорошен жестоксердною речью своего лучшего друга, но тут в их беседу вмешалась старшая дочь Паульмана, Вероника, прелестная цветущая шестнадцатилетняя девчушка.

– Но, милый папуля, – сказала она, – наверняка с господином Ансельмом случилось нечто непредставимое, чудное, и он, скорее всего, только воображает, что всё это случилось наяву, а на самом деле он мирно спал под кустом бузины, и тогда ему приснился точно такой же ужасный вздор, какой люди часто видят в своих снах. Вот этот сон и бродит в его голове.

– И помимо этого, милая барышня и вы, почтенный конректор, – вторгся в беседу регистратор Геербранд, – нельзя отрицать, что в принципе возможно наяву погрузиться в некое сонное состояние! У меня было подобное состояние после дневного кофе, то есть: состоянии аномальной апатии, которое, собственно говоря, и есть центр духовного и телесного пищеварения. Для меня, совершенно говоря, ясно, как это происходит. Однажды, будто бы по какому-то внутреннему вдохновению, мне представилось место, где оказался один давно потерянный документ, а к тому же еще вчера я воочию увидел один потрясающий фрагмент латинского текста, о котором я едва ли мог мечтать. Он появился передо мною в какой-то дикой пляске.

– Ах, почтеннейший господин регистратор, – перебил конректор Паульман, – вы всегда были склонны к поэзии, а с этими пристрастиями легко впасть в фантастические или романтические фантомы.

Но студиозусу Ансельму было отчего-то очень приятно, что за него вступились столь важные персоны, чем вывели его из крайне затруднительного положения – прослыть за пьяницу или сумасшедшего; и хотя к тому времени уже довольно смерклося, но ему теперь казалось, что он впервые заметил, какие у Вероники прекрасные, бездонные, синие глаза, хотя ему, даже не могло прийти в голову, что это те же чудесные глаза, которыми он так любовался в кустах бузины. Как ни странно, из его памяти целиком вылетели все воспоминания о приключении на берегу Эльбы. Теперь он ощутил себя он чувствовал себя лёгким и радостным и внезапно ощутил такой прилив мужества, что при выходе из лодки осмелился подать руку

своей прекрасной заступнице Веронике и даже довел её до дома почти без всяких происшествий, если не считать такую мелочь, что один раз поскользнулся, и искупался в луже, а так как это было единственная вонючая лужа во всей округе, то он лишь совсем немного забрызгал белоснежное платье Вероники. От конректора Паульмана не укрылась эта поразительная перемена в студенте Ансельме, он не только стал чувствовать к нему былое дружеское расположение снова, но даже и испросил извинений за свои чересчур жестокие обвинения.

– Да, – чуть не прослезился он в умилении, – в жизни часто бывают случаи, когда некие фантазмы овладевают человеком и беспокоят его в немалой степени, мучая и не давая покоя, однако это есть всего лишь временная телесная немочь, против которой весьма полезительны обыкновенные речные пиявки, которые уместно и полезительно ставить, позволю вам заметить, лишь, хи-хи-с, к заду, что открыто одним чересчур знаменитым и уже почившим в бозе швейцарским ученым.

Студент Ансельм, как замороженный, слушал его с открытым ртом и теперь уж и сам не понимал, был ли он в тот момент пьян, был ли сбит с толку, помешан или находился в некоем другом болезненном состоянии, притом, что отдавал себе полный отчёт, что пиявки, тем более прикладываемые к заду, являются совершенно излишним дополнением к обществу прекрасной Вероники. А так как старые его фантазмы совершенно испарились, и он почувствовал себя совершенно здоровым, то Ансельм повеселел до такой степени, что принялся направо и налево оказывать любезности всем окружающим, впрочем, отдавая предпочтение одной хорошенькой Веронике.

По обычаю, после спартанского ужина гости увлеклись музыкой. Студент Ансельм прыгнул к фортепьяно, и Вероника, поглядывая на него, стала выводит рулады своим чистым, звонким голосом.

– Mademoiselle, – проскрипел регистратор Геербранд, – Я восхищён! Ваш голосок звучит словно хрустальный колокольчик!

– Ну, уж это враки! – вдруг помимо его воли вырвалось у студента Ансельма, и он сам не знал как, покрываясь липким потом от стыда. Все посмотрели на него в величайшем изумлении. Все замолкли и были смущены до безобразия, – Хрустальные колокольчики, да будет вам, глупцам, известно, звенят только в кронах бузиновых деревьев, и звенят, не чета этому, удивительно гармонично! Выбирайте выражения, господа, говоря о них, иначе...! – в ужасе брезгливо пробормотал студент Ансельм почти угрожающе. Однако Вероника добродушно возложила руку на плечо Ансельма и сказала:

– Что же это вы такое буробите, милый мой господин Ансельм?

Совершенно забыв о сказанном за минуту до того, студент Ансельм мгновенно повеселел, оживился, растянул улыбку от уха до уха и стал истошно наяривать клешнями по клавишам. Конректор Паульман бросил на него мрачноватый взгляд, в то время как регистратор Геербранд, швырнув замызганные ноты на пюпитр, так восхитительно завёл брутальную арию капельмейстера Грауна, что задрожали ставни и люстра стала мерно раскачиваться под потолком. Студенту Ансельму пришлось аккомпанировать множество раз, а фугированный дуэт, который он исполнил вместе с Вероникой (сочинение самого конректора Паульмана), привел всех в полнейший восторг и умиление. Время клонилось уже к полуночи, когда регистратор Геербранд вдруг взялся за шляпу и принялся шарить по углам свою палку. Внезапно конректор Паульман резко подошёл к нему и с заговорческим видом зашептал:

– Ну-, не угодно ли вам, почтенный регистратор, будет поведать господину Ансельму... ну, то, о чем мы с вами говорили давеча? А?

– С превеликим удовольствием! – отвечал регистратор, икнув, и дождавшись, когда все уселись в тесный кружок, завёл такую речь:

– Знаете ли, господа, здесь, у нас в городе, живёт один замечательный старый чудак; говорят, он бредит всякими тайными науками и практиками; но так как, по сути дела, таковых

в природе совершенно не наблюдается, то я числю его просто за странного учёного архивариуса, а помимо того, в общем, почитаю экспериментирующим алхимиком. Не более того! Вы уже поняли из моих слов, что я имею в виду никого иного, как нашего таинственного архивариуса Линдгорста. Он живет, как вы знаете, весьма уединенно, и проводит свои опыты в своём отдаленном старом доме. Ходу туда нет никому. В часы досуга его легко можно найти в его библиотеке или рядом с ней, в химической лаборатории, куда он, скажу вам по секрету, никогда никого не впускает. Кроме огромного разнообразия редчайших книг он является собственником неизвестного числа редких арабских, коптских и иных рукописей, а также фолиантов, написанных какими-то странными иероглифами, которые не удалось пока идентифицировать и приписать их ни одному из известных языков. Его единственное пожелание, чтоб эти бесценные тексты были переписаны самым искуснейшим образом, а для ему потребен человек, умеющий рисовать, а также виртуозно писать пером, дабы с величайшей аккуратностью, точно и выверенно с помощью пера и туши перенести на пергамент

все эти загадочные тарабарские иероглифы. Работать придётся в особой, специально выделенной для этого комнате, у него дома, под неусыпным надзором. Условия оплаты таковы: он платит, кроме предоставления обеда во время работы, по спецес-талеру за каждый день работы и гарантирует ещё ценный подарок по счастливом исполнении всей работы. Время работы: ежедневно с двенадцати часов дня до шести часов вечера. Час – с трех часов до четырех отводится на отдых и обед. Ввиду того, что он уже имел довольно-таки плачевный опыт с несколькими нанятыми им для того молодыми людьми, повторения чего крайне нежелательно, то он и обратился в конце концов ко мне, чтобы я отыскал ему искусного каллиграфа и классного рисовальщика. Вот тогда я и подумал про вас, любезнейший господин Ансельм. Я прекрасно знаю, как вы хорошо владеете пером, как ровно и красиво пишете, а также, как хороши бывают ваши шрифтовые композиции. Посему, коль вы в эти тяжелые времена захотите до вашего грядущего назначения начать подзарабатывать по спецес-талеру в день, в надежде получить ещё ценный подарок сверх вышеуказанного, то потрудитесь завтра точно в двенадцать ноль-ноль часов явиться в дом к господину архивариусу. Его дом вы сможете легко узнать. Но берегитесь всякой неаккуратности, всякой кляксы, малейшего чернильного пятнышка! Если на копии появится любая негаданная помарка, то он заставит вас безо всякого снисхождения и милосердия всё начать сначала! Если же вы запачкаете оригинал хоть каплей туши, прошу заметить, то господин архивариус способен просто выбросить вас из окна, потому что это человек в гневе непредсказуемый и горячий.

Студиозус Ансельм был просто очарован и искренне обрадовался неожиданному предложению регистратора Геербранда. То, что требовалось, до поразительности соответствовало его талантам и пристрастиям, ведь он не только красиво писал и рисовал буквы пером, нет, его настоящей страстью было заниматься копированием сложных каллиграфических композиций. В великой благодарности, радостный, он горячо поблагодарил своих покровителей, подобрал самые признательные выражения и пообещал не опаздывать и поспеть строго к назначенному часу.

Ночью вокруг студента Ансельма так и плясали, поблескивая боками светлейшие спецес-талеры и он только и слышал, что их мелодичный, влекущий звон. Но можно ли судить за это бедолагу, жестоко обманутого во всех своих надеждах и обнесённого пристрастиями злого рока, должен был теперь трястись над каждым геллером и отказывать себе в малейших удовольствиях, столь потребных жизнерадостной, весёлой юности.

Уже с раннего утра нервно собирал он в тубус свои карандаши, перья, резинки и ручки, разыскивал склянки с китайской тушью и засохшие тюбики с краской.

«Лучших материалов, чем у меня, – думал он, – не измыслит, разумеется, и сам знаменитый архивариус Линдгорст!» – решил он, испытывая удовольствие от своих приготовлений.

Потом он стал разыскивать и раскладывать по папкам, приводя в порядок, свои лучшие каллиграфические работы, наброски и рисунки, чтоб в наилучшем виде продемонстрировать их господину архивариусу, как доказательство своих талантов и способности в точности исполнить заказ. Все складывалось более чем удачно. Могло показаться, что сегодня над ним взошла особо счастливая звезда: галстук как будто сам собой занял причитающееся ему положение, малейший шов не лопнул, ни одна петля не подвела на новых чёрных шёлковых чулках, тщательно вычищенная шляпа впервые не свалилась в пыль, одним словом, ровно в половине двенадцатого дня студент Ансельм в своём уже знакомом нам щучье-сером фраке и чёрных атласных брюках, с большой папкой каллиграфических работ и рисунков подмышкой, уже торчал на Замковой улице, откуда отправился в лавку Конради, где выпил пару рюмок лучшего пользительного для желудка ликера.

«Вот здесь, – в ликовании размышлял он, деловито похлопывая по временно пустому карману, – скоро бурно зазвонят весёлые спецес-галеры! Виват!»

Несмотря на извилистый путь до весьма узкой, уединенной улицы, на которой стоял старый дом архивариуса Линдгорста, студент Ансельм предстал у его дверей ещё загодя до двенадцати часов. Он замер перед дверью, рассматривая здоровенный, полированный до зеркального блеска изящный дверной молоток, намертво присобаченный немецкой исполнительностью к потемневшей бронзовой фигуре. Но едва он при последнем звонком ударе башенных часов на Крестовой церкви хотел замыслить взяться за этот молоток, как мерзкий бронзовый лик искривился, противно ослабился в омерзительную ухмылку, глаза расширились, а потом и вовсе дико выпучились, и из этих стальных нечеловеческих глаз посыпались ослепительные искры и лучи.

Ах! Боже мой! Это была физиономия той самой яблочной торговки, что торчала тогда у Чёрных ворот! Вот напасть! Острые, длинные, гнилые зубы дробно застучали в широко распахнутой пасти, и оттуда польшался канифольный треск и скрипение:

«Дур-р-рак! Дур-р-рак! Дур-р-рак! Не удер-р-решь! Не уд-драть! Дур-р-рак!»

Студент Ансельм в диком ужасе отшатнулся от мерзкой рожи и хотел было опереться на косяк двери, когда его рука помимо его воли схватила и резко дёрнула шнурок звонка вниз, и тогда нарастая и множась, зазвенело в дребезжащих диссонансах, и по пустоте дома, как в огромной бочке, раздались насмешливые отзвуки:

«Быть тебе уж в стекле, застыть тебе в хрустале, быть тебе в стекле!»

Студента Ансельма охватил такой дикий, такой липкий ужас, вместе с лихорадочной дрожью в руках, что затряслись все его члены. Чёрный шнур звонка ринулся вниз и в итоге обратился белой полупрозрачной исполинской змеёю, которая немудрствуя лукаво, тут же обвила и с нечеловеческой силой сжала его тело, с каждым мгновением всё крепче стягивая железные узлы, так что хрупкие члены студиязуса стали с треском ломаться. и кровь хлынула из жил, насыщая прозрачную тушу змеи и крася её глянцевую шкуру в алый цвет.

«Убей меня, не мучай, убей меня скорее!» – хотел было завопить он в страшном испуге, но вместо крика из его круглого рта слышалось только сипение, напоминающее звук крана, из которого вот-вот польётся вода. Змея медленно воздела свою чудовищную голову и воткнула длинный острый, как нож, оказавшийся раскалённым железным острием в грудь Ансельма. Острая, режущая боль мгновенно прервала пульс его жизни, и сознание его тут отключилось совсем.

Когда он пришел в себя, оказалось, что он лежит в своей вдовьей постельке, а над ним склоняется конректор Паульман и говорит:

– Ну, скажите вы мне, любезнейший, ради бога, что это за нелепости вы творите, дорогой мой господин Ансельм?

ВИГИЛИЯ ТРЕТЬЯ

Новости о семье архивариуса Линдгорста. – Синие очи Вероники. – Регистратор Геербранд.

– Дух воззрился на воды, и вот они заволновались, и вздыбились пенистыми валами, и ринулись в пучину, которая внизу разверзла свою аспидную пасть, пытаясь с жадностью проглотить их. Как праздные триумфаторы, возвысили гранитные скалы свои зубчатыми венцами украшенные главы и сомкнулись вокруг, запирая грядями долину, пока Солнце не увлекло её в свое материнское лоно и не защитило, не согрело ее в пламенной колыбели Солнечного света. Вдруг пробудились от вечного сна сна миллионы зародышей, мирно подрёмывавших под тёплым песком пустыни, простёрли к просветлённому лицу матери свои зелёные росточки и листики, и, как счастливые, улыбающиеся дети в цветущей колыбели, нежились в своих чашечках невинные цветочки, готовые пробудиться, пробуждённые матерью, и нарядиться в солнечные одежды, которые Природа расцветила тысячью красок. Но посередине долины высился чёрный холм, который вздымался и опадал, как грудь человека, когда она раскалена пламенной страстью. Из чёрной бездны били раскалённые испарения и, клубясь огромными шарами, злобно стремились заслонить лик матери, а она закрутила свирепый вихрь, который прошёлся сквозь них с сокрушительной силой, и когда слепящий луч снова ударил в чёрный холм, он выбросил из себя в преизбытке радости грациозную огненную лилию, которая распрямила свои листья, как юные, чистые уста, готовые ощутить медовые поцелуи матери земли. Тут искристое сияние озарило долину: это явился юноша Фосфор; огненная лилия узрела его и, исходя горячей, огненной любовью, взмолилась: «О, стань вечно моим, прекрасный юноша, ибо я люблю тебя и погибну, если ты покинешь меня!» И отвечивал юноша Фосфор: «Я хочу принадлежать тебе, о прелестная Лилия, но запомни, ты обязана, как неблагодарное дитя, презреть отца и мать, отринуть своих подруг, лишь тогда ты станешь больше и могущественнее, чем все, кто теперь здесь радуется наравне с тобою. Любовная истома, которая ныне благотельно греет всё твоё существо, начнёт, расслоившись на тысячи лучиков, волновать и мучить тебя, ибо чувство рождает чувство, и величайшее наслаждение, которое будет зажжено в тебе брошенной мною искрой, превратится в унылую скорбь, и ты канешь в ней, дабы снова возродиться в другом образе. Эта искорка – мысль!»

– Ах! – взмолилась Лилия, – Но почему я не могу быть твоею, сгорая в пламени, зажжённом тобой во мне? Разве я смогу больше, чем сейчас любить тебя и разве я смогу, как сейчас, взирать на тебя, когда ты будешь уничтожать меня!

Тогда впечатал в губы её юноша Фосфор страстный поцелуй, и, будто бы растворяясь в снопах солнечного света, полыхнула она яркой вспышкой, из него сдвинулось новое существо, которое, пролетев по долине, скоро унеслось из неё, устремившись по бескрайнему пространству, уже без дум о прежних своих подругах, и о любимом юноше. Тогда стал он оплакивать потерянную любимую, ибо и его притянула в дику долину лишь бесконечная любовь к прелестной Лилии, и скоро даже холодные гранитные утёсы преклонили свои мшистые головы, сочувствуя скорби юноши. Вдруг одна из скал оверзла свое лоно, и из него с шумом вырвался чёрный крылатый дракон и возвестил: «Братия мои, металлы дремлют у него внутри, лишь я вечно весел и бодр и склонен помочь тебе». Проносья туда-сюда, вверх и вниз, дракон наконец подцепил существо, произведённое на свет огненной Лилией, притащил его на холм и спеленал своими чудовищными крыльями, нежданно оно снова обратилось в Лилию, но неукротимая мысль не оставляла её, тогда как любовь к юноше Фосфору обратилась в острую боль, от коей все цветочки в округе, до того столь ликовавшие и ждавшие её взоров, поблекли и опали, убитые ядовитыми парами. Юноша Фосфор вошёл в блестящие

доспехи, игравшие тысячами разноцветных лучей, и вступил в бой с драконом, который без устали бил своими чёрными крыльями в его панцирь, да так сильно, что тот звенел, как колокол, от этого несмолкавшего, сильного звона вновь стали оживать цветочки и полрхач вокруг, как пёстрые заморские птички, вивясь вокруг дракона, силы коего в это самое мгновение наконец покинули его, и чуя свой позор, он ввинтился в глуть земли. Лилия оказалась свободной, тогда юноша Фосфор обнял её, исполненный пламенного ожидания великой небесной любви, и тогда все полевые цветы, все лесные птицы и даже высокие, мшистые, суровые гранитные скалы в торжественном гимне объявили её царицей долины.

– Но довольно, всё это только один восточный пафос,

почтеннейший господин архивариус, – прервал регистратор Геербранд, – в то время, как мы просто просили вас рассказать нам, как вы это иногда делаете, какой-нибудь любопытный случай из вашей в высшей степени примечательной жизни, привести какое-нибудь удивительное приключение из ваших странствий, и при этом не забывая про достоверность.

– Ну и чем вы недовольны? – возразил архивариус Линдгорст. – То, что я вам сейчас поведал, и есть самое достоверное повествование из всех, какие я могу вам напеть, ибо, добрые граждане, в некотором смысле оно целиком и полностью соотносится и с моей жизнью. Ибо я рождён в той самой долине, и осмеянная вами огненная лилия, как вы помните, обретшая под конец статус царицы, это моя родная пра-пра-пра-праба-бушка, из чего следует, что я, как бы это вам ни было горько – природный принц крови. Да-с!

Грохот хохота потряс своды комнаты.

– Вот вы смейтесь надо мной, – не умолкал архивариус Линдгорст, – но то, что я представил перед вами, наверно, в слишком скудных красках, только кажется вам аллогичным и безумным, однако всё это никакая не нелепость, и даже не поэтическая аллегория, а самая чистая, самая голая и неприкрытая правда. Но если бы я предвидел, что эта волшебная любовная история, которой и я обязан своим появлением на свет, произведёт на вас такое странное впечатление, я бы, конечно, стал бы рассказывать вам всякие новости, примерно такие, какие мой брат поведал мне при вчерашнем визите.

– Господин архивариус, как вы могли скрывать от нас, что у вас есть брат? Где же он? Где он проживает? Также люди всегда на королевской службе, или он, наверняка, частно практикующий ученый?

Со всех сторон летели вопросы.

– Нет! -холодно ответил архивариус, спокойно нюхая табак, – Он предпочёл дурную дорогу и стал драконом.

– Что вы изволили сказать, почтеннейший архивариус, – не верил своим ушам регистратор Геербранд, – Вы изволили сказать – в драконы?

«В драконы... В драконы...», – слышалось отовсюду, точно блуждающее эхо.

– Да, в драконы! – упорствовал архивариус Линдгорст, – Он это сделал,

честно говоря, с отчаяния. Вы знаете, господа, такова жизнь, мой отец умер очень рано – на круг всего триста восемьдесят пять лет тому назад, так что я принуждён ещё носить подобающий траур; он завещал мне, как своему любимому отпрыску, роскошный оникс, на который очень облизывался мой братец. У гроба отца мы стали ругаться об этом самым поганым образом, так что покойник, не выдержав этой муки и выйдя окончательно из себя, вскочил из гроба и спустил злого брата с лестницы в шею, на что тот был весьма

обозлён и едва ли не в тот же миг записался в драконы. Теперь он обретается в кипарисовом лесу близ Туниса, где ему предписано стеречь знаменитый мистический карбункул от одного тайного некроманта, которого часто можно видеть на даче в Лапландии, да, кстати, ему разрешено отлучаться разве только на какие-нибудь жалкие четверть часа, в то время, когда некромант копается в саду в грядках, или занимается любимыми саламандрами, и только

тут он, улучшив какую-нибудь минутку, спешит рассказать мне все новости, случившиеся у истоков Нила.

При этих словах присутствующие залились громким смехом, но у студента Ансельма в это мгновение так сильно скребли на душе кошки, что он не мог прямо смотреть в застывшие, чересчур серьёзные глаза архивариуса Линдгорста и не ощущать некоего, для него самого совершенно непонятого душевного содрогания. В надтреснутом, сухом, металлическом тембре голоса архивариуса заключалось для него нечто необъяснимо таинственное и пронзающее до мозга костей, бросавшее его то в дрожь, то в трепет. Поэтому цель, во имя которой регистратор Геербранд, собственно говоря, и призвал его вместе с собою в кофейню, в этот раз, судя по всему, оказалась совершенно недостижима. Загвоздка была в том, что после прискорбного казуса перед домом архивариуса Линдгорста, студент Ансельм никак не решался повторить свои посещения, ибо, по его глубочайшему убеждению, в тот день только счастливый случай избавил его если не от угрозы смерти, то, бесспорно, от опасности расстаться со здравым рассудком.

Конректор Паульман очень кстати шёл по улице в тот момент, когда он без чувств лежал у крыльца и какая-то карга, бросив свою корзину с пирожками и яблоками, хлопотливо суетилась вокруг него. Конректор Паульман сразу же призвал портшеза и как это ни странно принёс его домой.

– Да наплевать на то, что они думают про меня! – разоткровенничался студент Ансельм, – Пусть сочтут меня набитым дураком, но я уверен, что над дверным молотком на меня оскалилось звероватое лицо той самой ведьмы, которая торчала днём у Черных Ворот. Обо всём последующем я пожалуй говорить не стану, но очнись я и приди в себя от своего обморока, и увидь прямо перед собой эту треклятую ведьму с этими мерзкими яблоками (а кого же мне видеть во сне, ведь это она суетилась надо мной), меня бы сразу хватил удар или я попал бы в психлечебницу.

Никакие уговоры, никакие разумные доводы конrektора Паульмана

и регистратора Геербранда не привели ни к чему, и даже синеокая Вероника не сумела вывести его из состояния коматозной задумчивости, в котором он пребывал. Его сочли на самом деле едва ли не душевнобольным и все стали подумывать о способах вывести его из этого мрачного состояния, и, по авторитетному мнению регистратора Геербранда, самым лучшим для этого стали бы занятия у архивариуса Линдгорста по копированию манускриптов. Дело было за малым – познакомить как можно ближе студента Ансельма с архивариусом, а так как Геербранд не понаслышке знал, что тот почти каждый вечер проводит время в одной известной кофейне, то он и предложил студенту Ансельму каждый вечер заглядывать в кофейню и выпивать там на счёт его, регистратора стаканчик пива и выкуривать трубку до тех самых пор, пока он так или иначе не столкнётся с архивариусом, не познакомится с ним и не придёт к соглашению относительно своих манускриптов. Студент Ансельм выслушал его и принял предложение с благодарностью.

– Вам достанется благословение божье, любезный регистратор, если вы воротите молодого человека в здравый рассудок! – заявил конректор Паульман.

– Благословение господне! – эхом вторила Вероника, вздымая сверхнабожно глаза к небу и шустро пропуская через голову мысль, какой студент Ансельм и теперь уже приятный юноша, даже и без капли рассудка! И вот в то мгновение, когда архивариус Линдгорст со шляпой и палкой в руке выходил из кофейни, регистратор Геербранд шустро схватил студента Ансельма за руку и, преградив вдвоём с ним дорогу архивариусу, крикнул:

– О, прекрсный, высокопочитаемый господин тайный архивариус, вот перед вами студент Ансельм, который, будучи чроезвычайно искущён в каллиграфии и графике, мечтает о том, чтобы переписывать ваши удивительные манускрипты!

– Слышать такое мне в высшей степени лестно и приятно! – скороговоркой ответил архивариус, и набросив на голову треугольную солдатскую шляпу, отстранил рукой и регистратора Геербранда и студента Ансельма, помчался с великим шумом вниз по лестнице, так что те, совершенно потрясённые, обескураженные и озадаченные, в недоумении стояли и, хлопая глазами, смотрели на дверь, которая с громовым треском захлопнулась у них прямо перед носом.

– Какой чудной старикашка! – проговорил наконец регистратор Геербранд, кажется, едва приходя в себя.

«Да! Чересчур чудной старикашка!» – пробормотал про себя смущённый студент Ансельм, внезапно ощутив, как ледяной поток промчался по его заледенелым жилам, превращая его в холодную белую статую. Но, как ни странно, все гости на подбор тут мелко засмеялись и наперебой затараторили:

– О! Архивариус пребывал давеча сызнова в своём непредставимо-уникальном настроении, на завтра он, кровь из носу, будет тих и кроток, как церковная мышь, и в ответ на ваше бу-бу не вымолвит ни словечка, а так, будет себе посиживать за газетками или считать дымные колечки своей трубочки, тух, тух, тух – не стоит на это акцентировать внимание!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.